

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Анархия и законы

Николай Дедок

Апрель 2015

Николай Дедок
Анархия и законы
Апрель 2015

Скопировано 2017-12-15 с
<https://naroborona.info/2017/05/05/anarhiya-i-zakony/>

ru.theanarchistlibrary.org

Нередко приходится слышать вопросы: “А как вы относитесь к законам? А будут при Анархии законы?” И здесь, действительно, попадаешь в какую-то дилемму. Ответишь: “нет, не будет” – сразу спросят: «так как это выходит, вседозволенность, беспредел? А если кто-то кого-то убьет?» И приходится пускаться в огромную лекцию о человеческой природе, классовых корнях преступности и так далее. А если ответишь: «Да, будут», радостный скептик тут же потирает руки: «Вот! Значит, это уже не Анархия! Ведь кому-то же нужно следить за соблюдением законов, наказывать виновных – а это уже, считай, государство!» Чтобы ответить на эти вопросы четко и уверенно, мы должны, прежде всего разобраться со своим взглядом на феномен закона. Для этого нужно более пристально взглянуть в модель анархистского общества.

Итак, что такое закон или правовая норма? В широком смысле это любая норма, которая регулирует отношения между лицами, группами лиц, организациями, любыми общественными формациями. В узком смысле сегодняшней действительности классового общества это правила и

требования, установленные господствующим классом для удержания под контролем населения, которые осуществляются благодаря монополии государства на применение насилия и принуждения. Зададим себе вопрос: будут ли при Анархии общение между людьми? Конечно, так. А между группами людей, объединениями и институтами? Очевидно, тоже. А если общение есть, то его нужно регулировать, так как в противном случае будут множиться конфликты, которые, будучи нерешенными и накапливаясь, раньше или позже приведут к насильственной конфронтации и дезинтеграции общества. Даже отношения между двумя людьми, будь то возлюбленные, друзья, родные или незнакомые люди, регулируются. В качестве регулятора может выступить двусторонняя устная договоренность о чем угодно или «стихийное» взаимопонимание, принятое по умолчанию на основе грунта общепринятых норм морали или этики (что вы делаете, когда толкнули на улице незнакомого человека? Что делаете, когда приходите в поликлинику а там – очередь?), или воля одной из сторон, принятая добровольно либо под принуждением. Короче, так или иначе, какие-то регуляторы поведения неизбежны и при анархизме, ведь они сопровождают жизнь любого человека независимо от политического строя. И, как я считаю, не так важно, будут они неcodифицированными (это значит оставаться исключительно в головах людей) или кто-то возьмет на себя труд собрать их и издать отдельной книжкой. Принципиальный момент заключается в другом: эти нормы будут приниматься всеми членами общества, к которому они причастны, и в общих интересах, а не как сейчас, узкой группой людей и в интересах только части общества (а нередко и напрямик – под интересы отдельных людей: карателей, бизнесменов, господствующей элиты).

Еще один немаловажный момент: поскольку анархистское общество по своей сути федеративное, то многие

логично сделать вывод, что норма\требование\договор\запрет, принята всеми единодушно, будет во всяком случае выполняться более дисциплинированно и сознательно, чем та, которую навязал кто-то сверху со своими собственными целями (подтверждением этому – то, как виртуозно граждане уклоняются от выполнения требований закона, если они направлены против их благосостояния или просто видятся ненужными). Становится очевидно: слежение за соблюдением правил, если они приняты всеми, вряд ли будет большой проблемой, и, считаю, специальные органы или структуры вряд ли будут для этого нужны. Что же касается наказания виновных, то это интересная и многогранная тема, которая требует приведения многочисленных примеров, ссылок, осуществления исторических экскурсов – поэтому обращусь к ней уже в другой раз.

правовые нормы, которые будут приниматься в нем, будут касаться только небольших территорий коммун или общин, не зажатых в рамки государственных границ. Ведь закон, который актуален для одной местности, далеко не совсем актуален для другой. Например, зачем жителям крайнего Севера закон о запрете сожжения сухой растительности весной? Какой смысл указывать жителям сельскохозяйственных поселений, как они должны беречь воздух от вредных выбросов? Зачем звать вегетарианцев на обсуждение методов убийства домашнего скота или требовать от мусульманской коммуны запрета на потребление алкоголя? Не говоря уже о том, что неразумно пытаться доводить до заводов и сельхозпредприятий планы по производству «сверху», без совещания с самими трудовыми коллективами, что решения любых судебных органов должны приниматься исходя из местного контекста, а не так, как кто-то считает нужным – и так далее. Федерализм и независимость каждой коммуны позволят избежать ненужной бюрократической волокиты и административного маразма, который сейчас наблюдается повсеместно и, конечно, в много худших примерах чем те, что приведены выше. Законы же больше общего и бесспорного характера (типа запрета насильственных действий против личности, дискриминацию и т. д.) будут одобрены всеми и поэтому будут распространяться на более «высоком» уровне – на уровне сразу нескольких федеративных единиц, а то и на уровне континента, и будут служить в том числе тем цементом, который будет скреплять поселения, коммуны и федерации между собой. Эту же роль для государств в глобальном масштабе сейчас должен выполнять всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г., но, как видим, справляется она с этим не слишком успешно. Федерализм и разнообразие правовых норм в различных местностях призваны выполнять еще одну роль: обеспечивать свободу

личности и снимать напряжение в обществе. Ведь отдельному индивиду, которому принципиально неприемлемы правовые нормы или традиции одной коммуны, всегда можно, в крайнем случае переехать туда, где правила и нормы другие, вместо того чтобы страдать самому либо провоцировать конфликты, склоки и споры в коллективе. Этот довод оставлю без примеров, ибо их самому нетрудно представить уходя из повседневной жизни. Так нужна будет кодификация правовых норм? Это пусть решает для себя каждая община, но, считаю, с течением времени люди будут приходить к писанным нормам, ведь любое общество по мере своего роста и развития усложняется, а вместе с тем усложняются и социальные отношения, увеличивается количество решений, и, безусловно, будет немало спорных и конфликтных случаев, на результаты решения которых общество будет, возможно, опираться при выносе своих «приговоров» в будущем (т. н. практика прецедентного права). Да и, в конце концов, все это должно быть записано хотя бы чтобы не забыть, ведь, например, по прошествии 20-30 лет возникнет ситуация, которая уже была должным образом отрегулирована, но каждая из сторон конфликта вспоминает тот результат 20-летней давности на свой лад и в свою пользу.

И здесь записанные результаты окажутся очень кстати. Да и нужна каждый раз собираться и тратить время на решение вопроса, которое уже было успешно решено какое-то время назад? Таким образом, считаю, и в анархистских обществах по мере необходимости могут возникнуть свои сборники правовых норм. Но, конечно, все это не будет иметь ничего общего с сегодняшними попытками государства загнать все неимоверное разнообразие отношений между людьми в рамки, да еще в такие, которые полезны исключительно элитам. К тому же очевидно, что в действительно демократическом обществе пересмотреть или

отменить любой закон будет обычным и нетрудным делом. В отличие от дня сегодняшнего, когда это стало делом почти невозможной для простых граждан. Напоследок хочу заметить, что закон – само по себе нормальное и обычное слово и негативную окраску в наших глазах ему придала, в первую очередь, частое и самодовольное использование его сотрудниками карательных структур. И при анархизме, конечно же, закон будет. Ведь, как я попытался показать выше – даже нежелание любого из нас убивать, лгать, предавать, также закон, просто живет он в нашем сознании а не на бумаге. И отвечая скептику мы можем честно и уверенно сказать: «законы будут, но приниматься они будут людьми и на их благо – по общей договоренности всех», и даже перейти на него в контратаку, расспросив, или много раз его звали на обсуждение, например, административного или трудового кодексов, по которым он теперь вынужден жить?

Насчет того же, кто будет следить за исполнением законов при анархизме и наказывать виновных, вспомним: около 80% всех преступлений связаны прямо или косвенно с имущественным неравенством и культом потребления, что навязывается в обществе. С каждого билборда, из каждого телевизора, радио, сайта, журнала, с каждой витрины человеку вдалбливают: «ты неполноценный если не имеешь то, то, то.... а еще то-то и то-то...», что является существенным фактором, который заставляет людей (особенно молодых, особенно из малоимущих слоев населения) идти на преступления. Устранить имущественную неравенство – лишить преступность всякого смысла. Этот факт подкрепляют примеры эгалитарных обществ, в которых преступность почти отсутствует и даже просто обществ с невысоким уровнем социального расслоения, в которых преступность – очень редкое явление (и то проявляется преимущественно в ненасильственной форме). Поэтому